

Наследство / рассказ

Category: Hekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Наследство / рассказ НАСЛЕДСТВО

Г-н и г-жа Сербуа кончали завтрак, с хмурым видом сидя друг против друга.

Г-жа Сербуа, миниатюрная голубоглазая блондинка с нежным румянцем и мягкими движениями, ела медленно, опустив голову, словно во власти печальной и неотвязной думы.

Сербуа, рослый толстяк с бакенбардами и осанкой министра или маклера, был явно озабочен и обеспокоен.

Наконец он произнес, как будто подумал вслух:

– Право же, это очень странно!

– Что именно, мой друг? – спросила жена.

– Да то, что Водрек нам ничего не оставил.

Г-жа Сербуа вспыхнула; краска, словно розовая вуаль, поднялась от шеи ко лбу.

– Может быть, у нотариуса есть завещание, – сказала она, – а мы еще ничего не знаем.

На самом деле она, по-видимому, все знала.

– Возможно, – подумав, согласился Сербуа. – Ведь, в конце концов, он был нашим лучшим другом, и твоим и моим. По целым дням сидел у нас, два раза в неделю обедал, ну да, он дарил тебе, это, конечно, тоже плата за гостеприимство. Но все-таки странно было бы обойти в завещании таких близких друзей. Уж я, если бы захворал, непременно вспомнил бы о нем, хотя ты законная моя наследница.

Г-жа Сербуа не поднимала глаз. И пока муж разрезал курицу, она упорно сморкалась, как сморкаются, когда плачут.

Сербуа заговорил снова:

– Есьма возможно, что у нотариуса есть завещание и нам что-нибудь оставлено. Мне ведь много и не надо, так, пустячок, мелочь, в знак того, что он был к нам привязан.

Тогда жена нерешительно сказала:

– Если хочешь, пойдем после завтрака к господину Ламанеру и

все сразу узнаем.

— Отлично, прекрасная мысль! — согласился он.

Их приход в нотариальную контору Ламанера вызвал заметное волнение среди служащих, и когда г-н Сербуа счел нужным назваться, хотя его здесь превосходно знали, старший клерк вскочил с подчеркнутым усердием, а его помощник ухмыльнулся.

И супругов Сербуа ввели в кабинет нотариуса.

Это был низенький человечек, весь кругленький. Все у него было круглое. Голова напоминала шар, насаженный на другой шар, побольше, который передвигался на двух ножках-коротышках, тоже похожих на шарики.

Он поздоровался, предложил сесть и, бросив многозначительный взгляд на г-жу Сербуа, сказал:

— Я только что собирался написать вам и пригласить ко мне в контору, чтобы вы ознакомились с завещанием господина Водрек: оно непосредственно касается вас.

— Так я и думал! — не удержался г-н Сербуа.

— Сейчас я зачитаю вам этот документ, кстати, очень лаконичный, — продолжал нотариус.

Он взял лежавшую перед ним бумагу и начал читать:

«Я, нижеподписавшийся, Поль-Эмиль-Сиприен Водрек, находясь в здравом уме и твердой памяти, выражаю сим свою последнюю волю. Так как смерть может настичь нас в любую минуту, я, в предвидении ее, вознамерился составить завещание, которое будет храниться у нотариуса Ламанера.

Не имея прямых наследников, я все свое имущество, состоящее из биржевых ценностей на сумму четыреста тысяч франков и недвижимого имущества, оцененного круглым счетом в шестьсот тысяч франков, без всяких условий и оговорок завещаю госпоже Клер Гортензии Сербуа. Прошу ее принять этот дар умершего друга как свидетельство его глубокой, неизменной и почтительной привязанности.

Составлено в Париже, 15-го июня 1883 г.

Подпись Водрек».

Г-жа Сербуа опустила голову и не шевелилась, меж тем как

супруг ее, вытаращив глаза, попеременно смотрел на нотариуса и на жену.

После минутного молчания нотариус заговорил опять:

– Само собой разумеется, сударь, что госпожа Сербуа не может без вашего согласия принять этот дар.

Г-н Сербуа встал.

– Мне нужно подумать, – сказал он.

Нотариус наклонил голову с чуть заметной лукавой усмешкой.

– Я вполне понимаю ваши колебания, милостивый государь: люди только и ищут, о чем бы позлословить. Не откажите в любезности прийти с ответом завтра, в это же время.

Г-н Сербуа утвердительно кивнул.

– Хорошо, сударь. До завтра.

Он отвесил церемонный поклон, предложил руку жене, у которой пылали щеки, а глаза были упорно опущены в землю, и проследовал через контору с таким величавым видом, что клерки даже струсили.

Как только супруги вернулись домой, г-н Сербуа закрыл дверь и отрывисто произнес:

– Ты была любовницей Водрека.

Жена, снимавшая шляпу, стремительно обернулась:

– Я! Бог с тобой!

– Да, ты!.. Кто же оставил бы все состояние женщине, если бы...

Краска сошла с ее лица, и пальцы слегка дрожали, завязывая длинные ленты, которые иначе волочились бы по земле.

Собравшись с мыслями, она сказала:

– Что с тобой? Ты с ума сошел, право же, с ума сошел. Ведь сам ты час назад надеялся, что он... что он... тебе что-нибудь оставит.

– Да, он мог оставить мне, слышишь, мне, а не тебе!..

Она посмотрела ему в глаза пристальным и загадочным взглядом, словно стараясь что-то прочесть там, увидеть то неведомое, что прочно спрятано в человеке и о чем можно только догадаться в те краткие минуты, когда ослабление внимания и самозащиты, порыв откровенности оставляют приотворенной дверь в заповедные тайники души.

– А мне кажется, – медленно проговорила она, – что если бы он

оставил такое крупное наследство... тебе, это бы тоже нашли по меньшей мере странным.

– Почему, собственно? – спросил он с лихорадочной торопливостью, словно кто-то посягал на его права.

– Да потому... – начала она, отвернувшись в смущении и замолчала. Он крупными шагами ходил из угла в угол.

– Ты не можешь принять этот дар! – заявил он.

– Прекрасно, – равнодушным тоном ответила она. – Тогда незачем и ждать до завтра, можно сейчас же сообщить наше решение господину Ламанеру.

Сербуа остановился перед ней, и несколько мгновений они стояли лицом к лицу, глядя друг другу прямо в глаза, и каждый старался увидеть, понять, разгадать другого, проникнуть в самые его сокровенные мысли; в глазах у них был жгучий и немой вопрос, как у людей, которые живут вместе, ничего друг о друге не зная, но вечно подозревая, подкарауливая и выслеживая друг друга.

И вдруг он шепотом бросил ей в лицо:

– Признавайся, ты была любовницей Водрека?

Она пожала плечами:

– До чего же ты глуп! Водрек, кажется, любил меня, но я ни разу... ни разу ему не уступила.

Он топнул ногой.

– Лжешь, этого быть не может!

– И все-таки это правда, – спокойно сказала она.

Он снова зашагал по комнате и через минуту остановился:

– Тогда объясни, почему он оставил все свое состояние тебе, именно тебе...

– Да очень просто, – ответила она невозмутимым тоном. – Ведь ты сам говорил, что, кроме нас, у него не было друзей, он больше жил здесь, чем у себя дома, и, задумав писать завещание, прежде всего вспомнил о нас. А затем уж из учтивости поставил на бумаге мое имя. Что ж тут удивительного? Подарки он тоже делал не тебе, а мне. Он постоянно приносил мне цветы и каждый месяц, пятого числа, дарил какую-нибудь безделушку, потому что мы с ним познакомились пятого июня. Да ты сам это отлично знаешь. А тебе он очень редко делал

подарки, ему это и в голову не приходило. Внимание всегда оказывают женам, а не мужьям. Вот и последний знак его внимания относится ко мне, а не к тебе. Это вполне понятно. Она говорила таким спокойным, естественным тоном, что Сербуа заколебался.

– Все равно, – возразил он, – это произведет отвратительное впечатление. Никто не поверит в твою невинность. Нет, мы не можем согласиться.

– Ну и не надо, мой друг. У нас в кармане будет миллионом меньше, только и всего.

– Да, конечно... миллион, – заговорил он, не обращаясь к жене, а как будто размышляя вслух. – Об этом и думать нечего, нас бы заклевали. Что ж, так и быть. Другое дело, если бы он половину завещал мне.

Сербуа сел, положил ногу на ногу и начал теребить свои бакенбарды, что было у него признаком глубокого раздумья.

Г-жа Сербуа открыла рабочую корзинку, достала оттуда вышивание и, принимаясь за работу, заметила:

– Мне это и не нужно. Решай, как знаешь.

Он долго не отвечал, потом нерешительно начал:

– Так вот, есть один способ. Ты должна перевести на меня половину наследства путем прижизненной дарственной записи. Детей у нас нет, значит, и препятствий быть не может. А этим мы заткнем рот злопыхателям.

– Почему же, собственно, это заткнет им рот? – спросила она очень серьезно.

– Какая же ты непонятливая! – разозлился он. – Мы скажем, что получили наследство пополам. И это не будет враньем. Незачем всем объяснять, что завешание было на твое имя.

Она снова пристально посмотрела на него:

– Делай, как знаешь, я со всем согласна.

Он опять вскочил и зашагал из угла в угол. Казалось, у него возникли новые сомнения, хотя лицо по-прежнему сияло:

– Нет, пожалуй, для нашего достоинства лучше отказаться совсем... Хотя... так, как я говорил, это будет вполне прилично. Даже самые придирчивые люди ничего такого не усмотрят... Да, да, это все поставит на свои места...

Он остановился подле жены.

– Знаешь что, кошечка? Я пойду к нотариусу один, объясню, как обстоит дело, и посоветуюсь с ним. Скажу ему, что тебе так будет приятнее. Да и с точки зрения приличий... Это сразу пресечет всякие толки. Раз я согласен принять половину наследства, следовательно, я знаю, что делаю, положение для меня ясно, и я не вижу в нем ничего двусмысленного и предосудительного. Я этим как бы говорю тебе: «Ты смело можешь согласиться, дорогая, если согласился я, твой муж». А иначе это, право, было бы несовместимо с нашим достоинством.

– Тебе виднее, – коротко сказала г-жа Сербуа.

Он вдруг сделался многоречив:

– Да, в случае дележа все будет вполне понятно. Мы получаем наследство от друга, который не пожелал выделить одного из нас, проявить особую заботу о ком-то одном, который не хотел сказать своим завещанием: «Я и после смерти кому-то отдаю предпочтение, как отдавал при жизни». Будь уверена, если бы он как следует подумал, он именно так бы и поступил. Он просто не сообразил, не предусмотрел последствий. Ты совершенно верно сказала, что подарки он тоже делал тебе.

Она с явным раздражением прервала его:

– Отлично. Я все поняла. Не к чему вдаваться в такие пространные объяснения. Ступай прямо к нотариусу.

Он вдруг сконфузился, покраснел и забормотал:

– Ты права. Иду.

Он взял шляпу и, подойдя к жене, вытянул губы для поцелуя.

– До свидания, душенька.

После того как муж звонко чмокнул ее в лоб и пышные бакенбарды пощекотали ее щеки, г-жа Сербуа, уронив рукоделие, горько заплакала.

* * *

Напечатано в «Жиль Блас» 23 сентября 1884 года; почти дословный текст VI главы второй части «Милого друга».

Ги де Мопассан. Полное собрание сочинений в 12 тт. Том 10. Библиотека «Огонек», Изд. «Правда», М.: 1958

Перевод Н.Касаткиной. Некаýalar